

Иногда указания на принадлежность тому же автору других сочинений имеются в самих сочинениях. Так, например, ростовский агиограф XIV в., написавший *Повесть о Петре царевиче Ордынском*, оставил в *Повести* указание на то, что ему же принадлежит и *Житие епископа Игнатия*. В других случаях авторы заявляют о своем намерении в другом месте написать о том или ином событии или лице. Такое указание имеется, например, в *Житии Сергия Радонежского* (автор обещает рассказать об одном из учеников Сергия особо). Автор Волоколамского патерика Досифей Топорков ссылается на свое Надгробное слово Иосифу Володкому. Важно отметить, что эти неспрятывательные указания на авторство бываюи в целом более достоверны, чем официальные приписывания произведения в заголовках. Чем менее официально свидетельство об авторе, тем оно достовернее.

*

Как это ни странно, но одно из самых достоверных свидетельств о принадлежности сочинения тому или иному автору, редактору или переписчику извлекается из тайнописных записей. Мне неизвестно ни одного случая, когда бы указания тайнописи оказались неправильными. Объясняется это, как мне кажется, тем обстоятельством, что тайнописных записей об авторе не делали переписчики или их редакторы. Тайнописью запечатлевали свои имена только сами авторы или те, кто считали себя причастными к авторству (поэтому-то в тайнописи встречаются указания на русских авторов и редакторов, но нет указаний на переводных авторов). Делалось это из скромности. Очевидно, две тенденции боролись в составителях тайнописных записей: желание запечатлеть свое имя как автора или редактора и переписчика и сознание нескромности этого желания. Именно эгои борьбой и вызывалось, очевидно, это типично средневековое явление — тайнописные записи о себе древнерусских писателей. Как бы то ни было, психологическая борьба эта могла быть только у лиц, прямо причастных к созданию произведения или рукописи, и поэтому мы можем доверять этим записям.³⁶

Своеобразный вид тайнописи представляют собой акростики. Акростики были известны еще греческим авторам служб и канонов. В этих акростихах они оставляли признаки своего авторства. Но особенно распространились на Руси акростики в XVII и XVIII вв., с развитием стихотворства, с одной стороны, и барочной модой на всякого рода замысловатые и фигурные стихи — с другой. Особенно интересен случай, обнаруженный известным исследователем рукописных песенников XVII и XVIII вв. — А. В. Позднеевым, со стихотворцем Германом. Здесь в акростихи оказалась записанным не только имя стихотворца, но и некоторые данные его биографии.³⁷ А. В. Позднеев пишет: «Акростих образуется из начальных букв каждого столбца, читаемых или сверху вниз, или слева направо. Число акростихов в песне может быть: а) один, б) два (в этом случае первый читается в верхних строках столбцов сверху вниз, а второй — в нижних — слева направо) и в) даже, изредка, — три».³⁸

³⁶ Обзор различных систем тайнописи и способов их расшифровки не входит в нашу задачу. О тайнописи см.: П. А. Лавровский. Старорусское тайнописание. — «Древности». Труды Московского археологического общества, т. 3. М., 1873; М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 4/3. Л., 1929.

³⁷ А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков (Из истории песенной силлабической поэзии). — Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института, т. I. М., 1958, стр. 15—18.

³⁸ Там же, стр. 3.